

сельского населения (за исключением двух-трех лет) был положительным, но его объем не компенсировал отсутствие естественного прироста.

Анализ формирования и развития населения Кузбасса в рассматриваемый период позволяет выявить несколько тенденций:

– с начала 1920-х гг. по 1992 г. происходил ускоренный рост численности населения региона, особенно городского населения;

– темпы увеличения численности городского населения Кузбасса опережали средние показатели по региону;

– Кузбасс был одним из наиболее урбанизированных регионов страны, характеризовавшихся устойчивым ростом удельного веса городского населения;

– динамика численности населения Кузбасса определялась соотношением естественного и миграционного прироста (убыли);

– с 1992 г. население Кемеровской области, как и всей России, оказалось охвачено длительным процессом, связанным с устойчивым сокращением численности населения из-за отсутствия естественного прироста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заболотская К.А.* Источники по истории рабочего класса советской Сибири: учеб. пособие. Кемерово, 1987.
2. Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971.
3. История Кузбасса. Кемерово, 1970. Ч. 3.
4. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
5. *Шиловский М.В.* Начальный этап урбанизации Кузбасса в контексте модернизационных процессов конца XIX – начала XX в. // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007.
6. *Гулицин Н.Я.* Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.
7. *Бикметов Р.С.* Трудпоселенцы и советские немцы: влияние на социально-классовую и национальную структуры // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 2007.
8. *Бельков А.В.* Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.
9. *Заболотская К.А., Бельков А.В.* Формирование городского населения Кузбасса в 1920-е – первой половине 1940-х гг. в контексте индустриального развития региона // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007.
10. *Заболотская К.А., Бельков А.В.* Демографическая ситуация в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47).084.6

А.А. БУРМАТОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ ГОЛОДА НАЧАЛА 1930-х гг. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Куйбышевский филиал НГПУ
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов анализируется достоверность статистических источников, рассматриваются демографические последствия голода начала 1930-х гг. в Западной Сибири, проводится сопоставление с другими территориями СССР.

Ключевые слова: Западная Сибирь, население, рождаемость, голод, демографические потери, смертность.

В начале 1930-х гг. в условиях коллективизации и раскулачивания повсеместно произошло снижение качества учета естественного движения населения. В записке начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплуна, направленной заместителю начальника ведомства И.А. Кравалю, констатируется: «С 1930 года отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях». Это подтвердила специальная комиссия Госплана, ЦУНХУ и управления нархозучета РСФСР в 1932 г. [1, с. 336]. Начальник Западно-Сибирского краевого УНХУ Мачульский писал: «Концентрация в... городских пунктах больших мигрирующих масс

населения... сопровождается высокой смертностью, резко повышающей общий показатель смертности городского населения»¹.

Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что работа по уточнению результатов учета не прекращалась в статистических органах, хотя итоговые расчеты не оглашались. Данные ЗАГСов, попавшие в статистические сводки, массовую гибель людей статистически отражают нерепрезентативно [2, с. 34]. Материалы по территории бывшего Барабинского округа показывают, что доля населения, охваченного регистрацией, была выше в Кыштовском, Северном

¹ ГАНО. Ф. П-11. Оп. 3. Д. 382. Л. 18.

районах, население которых жило в небольших деревнях, и в Баклушевском районе, где поселения были самыми крупными в Барабе. Первые размещались в подтаежной зоне, и на рацион жителей существенно влияли собирательство и охота, а процент коллективизации здесь был ниже. В Баклушевском районе преобладало украинское население с относительно высоким уровнем грамотности, к тому же более приученное к порядку в документации. В Татарском, Купинском и Барабинском районах, примыкавших к железной дороге, охват учетом был слабее. Это объясняется тяжелыми последствиями голода, когда регистрация прекращалась вообще, и небрежным отношением населения и регистраторов к статистическому учету.

В начале 1932 г. случаи опухания и заболеваний от недоедания, попыток самоубийств и смертей от голода отмечались во многих районах юга Западной Сибири. В пищу употреблялись суррогаты, мясо павших животных, собак [3, с. 232–234]. В январе 1932 г. в Западно-Сибирском крае продовольственные трудности были зафиксированы в 50 районах, в феврале – в 75, при этом в 56 районах – в острой форме [4, с. 232]. Секретарь Татарского райкома А.К. Ботов в конце апреля 1932 г. докладывал Р.И. Эйхе, возглавлявшему Западно-Сибирский край: «1) Сидят колхозники голодные по 5–6–7 дней. 2) Пухнут... 3) Едят падаль, хомьяков и сусликов. 4) Уходят по миру (побираться)...» [3, с. 238]. Тяжелое положение с продовольствием в апреле 1932 г. признали на самом верху, и Западной Сибири была предоставлена продовольственная ссуда в размере 24 тыс. т зерна (16 тыс. т пшеницы и 8 тыс. т проса) [4, с. 232]. Размеры помощи были недостаточными. 26 мая 1932 г. колхозники сельхозартели «Новое дело» писали в Запсибкрайком ВКП(б): «Идет посевная... А хлеба нет нисколько. Народ с голоду начал опухать, многие без движения, ели дохлых лошадей... мякину... картофельную ботву...» [3, с. 242, 243]. В Усть-Пристанском районе за две недели июня 1932 г. от голода умерло 194 чел. и 254 чел. опухло от недоедания. Фиксировались случаи смерти от голода в Троицком, Покровском, Быстро-Истокском районах края [4, с. 232].

В 1932 г. в Западно-Сибирском крае стало увеличиваться количество зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний: возвратный тиф, оспа, септическая ангина, авитаминоз². С августа по ноябрь число заболевших сыпным тифом возросло в 3,7 раза, а в 1933 г. за этот же период – в 2,2 раза. Заболевших было больше в городах и рабочих поселках, где регистрация была лучше. В официальных документах констатировалось: «Отток крестьянского населения из городов... способствовал заносу и образованию очагов сыпного тифа во всех населенных точках края... Недостаточно медицинских кадров»³.

Конъюнктурные данные, предоставляемые каждые 10 дней, свидетельствуют о росте заболеваемости весной 1932 г. Это связано с фактором сезонности и продолжавшимся голодом. Работники здравоохранения констатировали прирост числа заболевших во всех

городах. Неблагоприятными по сыпному тифу были признаны Барабинск, Омск, Новосибирск, Иссык-Куль, Славгород⁴. Плохое качество воды и неразвитая система водоснабжения способствовали распространению инфекционных заболеваний. Больницы зачастую не имели топлива, что приводило к отказу населения от госпитализации⁵. Использовались все методы: от народных средств до организации карантин и увеличения количества бань. Медикам, несмотря на нехватку средств и препаратов, все же удалось добиться снижения заболеваемости оспой в мае («Оспа снижается, но медленно»⁶, – отмечалось в отчете). В июле произошел скачок желудочно-кишечных заболеваний. Были проведены санитарно-эпидемические проверки пищевых комбинатов, предприятий общественного питания. В Убинском районе наказаны руководители районного управления милиции «за антисанитарное состояние арестного дома»⁷. В этом районе местные власти не кормили медиков, и «пришлось решать этот вопрос на уровне краевого руководства»⁸.

В 1933 г. продолжались эпидемии сыпного тифа, септической ангины, зафиксированы случаи смерти от них⁹. К маю 1933 г. «не осталось ни одного района, не имевшего вспышки сыпного тифа». Особо неблагополучными признаны 10 городов и 15 районов края. Заведующий райздравотделом М.Г. Тракман докладывал в Наркомздрав РСФСР: «В 1933 году эпидемия сыпного тифа в Западно-Сибирском крае носит диссеминированный характер с преимущественным поражением точек наибольшего притока населения... и районов, расположенных по железнодорожным путям» [3, с. 258]. Усилия врачей и медперсонала, спецотрядов медиков и студентов, т. н. десантов, позволили добиться успехов. «Эпидемическое состояние ЗСК в июле 1933 г.: снижение заболеваемости скарлатиной, оспой, дифтерией, сыпным тифом, малярией и усиление дифтеритом по сравнению с июлем 1932 года», – сообщается в отчете¹⁰.

По расчетам Госкомстата СССР, средняя продолжительность жизни в СССР в 1933 г. составляла 11,6 года для обоих полов, в т. ч. у мужчин – 10,3 года, у женщин – 13 лет. Младенческая смертность составила 317 ‰, а недоучет смертности за 1932–1936 гг. достигал 26,6 % [5, с. 39–43]. Итальянский исследователь А. Грациози писал: «Эти оценки считаются лучшими из имеющихся... Однако... занижено количество смертей в 1931 и 1932 гг. путем отнесения их к 1933 г.» [6, с. 63]. С. Уиткрофт считает, что часть демографических событий (особенно смертей), отнесенных к 1933 г., происходила в 1930–1932 и 1934–1936 гг. [7, с. 860–862].

Для Западно-Сибирского края 1933 г. специалисты Госкомстата определили сверхсмертность от голода

⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 156.

⁶ Там же. Л. 33 об.

⁷ Там же. Л. 176.

⁸ Там же. Л. 155.

⁹ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 121, 129, 148, 156, 251.

¹⁰ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 243.

² Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 12, 14, 251.

³ Там же. Л. 3.

в 10 %, взяв за норму среднее количество умерших за 1932 и 1934 гг. Они полагают, что голод нигде не начинался ранее конца зимы и не заканчивался позднее лета 1933 г. В Западной Сибири голод отмечался в конце 1931 г. и в 1932 г. Регистрируемая смертность в 1933 г. была выше, чем в 1932 г., на 2 % [8, с. 81].

По оценке иностранных специалистов середины 1930-х гг., в СССР от голода 1932/33 гг. умерло от 3 до 5 млн чел. [9, с. 220], а современные ученые оценивают сверхсмертность 1933 г. в 3–6,7 млн чел. [10, с. 118, 120]. Около 4 млн из них приходится на Украину, где на черноземах рабочим скотом являлись не маломощные лошади, как в Европейской России и в Сибири, а волы, половина которых была забита и съедена в знак протеста против насильственной коллективизации. Из-за недостатка тяглового скота весной 1933 г. земли были вспаханы частично, что привело к большому недобору урожая и, в условиях жесткого плана хлебосдачи, – к изъятию продовольственного фонда самих крестьян и их неизбежному голоду и гибели. Православные конину не едят, поэтому лошадей забивали реже, и масштабы голода оказались меньшими в тех регионах, где пахали на лошадях. В Поволжье много мусульман, поэтому там забивали и коней. Руководство партии уверовало в то, что крестьяне сломлены предыдущими репрессиями, и не предвидело продолжения борьбы с деревней. В конечном счете пострадали крестьяне.

Согласно данным статистического учета, Западная Сибирь от голода пострадала меньше, чем Украина, Северный Кавказ и Поволжье. В Западно-Сибирском крае в 1933 г. умерло 220 тыс. чел. – в 1,5 раза больше, чем в 1928 г. В городских поселениях скончалось 53,1 тыс., или в 2,8 раза больше. Смертность в городах края возросла с 21 % в 1928 г. до 31 % в 1933 г., в сельской местности соответственно с 23 до 28,4 %. Младенческая смертность достигла 202 % (в городах – 218,5, в сельских местностях – 198,1 %). Для всего населения смертность в 1933 г. составила 29,1 %¹¹.

Статистики указывали на недоучет демографических событий и увеличили число скончавшихся в городах в 1933 г. на 1,6 тыс. (с 51,5 до 53,1 тыс.)¹². Поправка в 3 % соответствовала установке ЦУНХУ о величине недоучета смертности в стране в 2,4 %. Для рождений корректировок не вносилось. В Западной Сибири голод продолжался с 1930 по 1934 г., и в процентном отношении привел к не меньшим человеческим жертвам, чем в Поволжье и на Украине. Из-за полного отсутствия каких-либо сведений за 1930–1931 гг. и плохого качества учета в 1932–1934 гг. масштабы демографических потерь оказались сильно заниженными.

На территории, охваченной хоть каким-то статистическим учетом в 1933 г., проживало 90,1 % жителей. Источники не позволяют определить таковую долю для 1932 г. Динамика рождений и смертей по районам свидетельствует о плохой регистрации естественного движения. В 1932–1934 гг. отмечается значительное колебание рождений и смертей. В 1933 г. смертность по целому ряду районов оказалась ниже, чем в 1932 и

1934 гг. В сельской местности рождаемость снизилась на 1/7, в городах – на 2/5. В западносибирских городах в 1933 г. было зарегистрировано 338 рождений у иногородних, и показатель рождаемости скорректирован статистиками на 1 % (с 25,6 до 25,9 ‰).

В первой половине 1933 г. превышение смертности над рождаемостью отмечено «в больших размерах, чем в 1932 г.», хотя особо подчеркивается «неблагополучие»¹³ последнего. В 1933 г. смертность в городах увеличилась, но доля умерших от инфекционных заболеваний в городах снизилась. В Рубцовске, Славгороде и Каинске число погибших от них возросло и составляло 8,3–11,8 % всех умерших. Анализ умерших по национальному составу показывает, что большая часть погибших от инфекционных недугов относится к лицам «нехарактерных национальностей», что свидетельствует «о занесении инфекционных заболеваний». Так, в городах Западной Сибири родилось 257, а умерло 1 297 казахов¹⁴. В 1933 г. здесь было учтено 16 158 неместных умерших, из них 1 204 ребенка в возрасте до 1 года. В Прокопьевске зарегистрировано 2 596 смертей иногородних, в Омске – 1 960, в Сталинске – 1 728, в Томске – 4 922, в Анжеро-Судженске – 1 096, в Новосибирске – 2 295. Вследствие значительного числа умерших показатели смертности были статистиками увеличены: в Анжеро-Судженске на 5,4 ‰, в Омске на 4,4, в Новосибирске на 3,8, в Прокопьевске на 12,9, в Томске на 19 ‰. В расчет были включены 50 % иногородних. В Сталинске поправка не вносилась. При ее учете вместо естественного прироста (6 ‰) регистрировалась бы убыль (– 2,5 ‰). Фактически уровень смертности следует увеличить: в Томске на 38 ‰, в Прокопьевске на 25,6, в Омске на 8,6, в Новосибирске на 8,1, в Анжеро-Судженске на 10,3 ‰. Показатель смертности в городах края достиг 35 ‰. Ее уровень составлял: в Томске 64,9 ‰, в Прокопьевске 61,2, в Рубцовске 48,5, в Омске 40 ‰¹⁵.

Уровень смертности статистические органы увеличили с 26,6 до 31, или на 16,5 %, но расчетные показатели для городов, где положение со смертностью было наихудшим, остались существенно заниженными. Статистики в аналитических материалах отмечали, что «материалы ЗАГСов из-за плохой регистрации не позволяют нам установить, в какой мере высокая смертность касается основной массы постоянных жителей... городов»¹⁶. Искажения выявлены и в сельской местности. В ходе проверок точности учета во многих районах были изъяты книги учета смертей в ЗАГСах, что существенно затрудняет исследование проблемы. Естественная убыль составляла 2 тыс. чел., или 1 ‰¹⁷. После официальных поправок ее уровень повысился до 5,1 ‰. Естественная убыль в 1933 г. регистрировалась в 27 городах и рабочих поселках и 10 районах края¹⁸, в 1932 г. – в 13 городских поселениях¹⁹.

¹³ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18, 18 об.

¹⁴ Там же. Л. 18 об.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 8, 9–11 об.

¹⁶ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 7, 8, 9–11 об.

¹⁸ Там же. Л. 7–12 об.

¹⁹ Там же. Д. 33. Л. 35–35 об.

¹¹ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 10–12 об.

¹² Там же. Л. 11 об. – 12 об.

В актовых записях голод как причина смерти указывается редко. Чаще используются такие диагнозы, как истощение, пеллагра, недоедание, упадок сил, слабость, «от поноса», «переутомление при ходьбе», чахотка и др. Насчитывается более 80 вариантов диагноза смерти, скрывающих под собой голод²⁰.

О недоучете статистических событий свидетельствуют материалы о младенческой смертности и мертворождениях (фетоинфантильные потери). Они дают возможность комплексно оценить гибель всех жизнеспособных детей в возрасте до 1 года. В статистике имеет место «переброс» умерших в первые дни жизни в мертворожденные. При распределении родившихся по полу в 1932 г. биологическая пропорция при рождении не была нарушена. Доля лиц мужского пола составила 51 %. В 1933 г. удельный вес мальчиков в числе младенцев в крае возрастает до 52,7 %, в сельской местности – до 56,5 %. Среди погибающих новорожденных должны были лидировать мальчики. Статистически же прослеживается обратное. Погибающих вскоре после рождения младенцев женского пола не регистрировали чаще. Среди умерших лидируют мужчины. Однако 1933 г. выделяется ярко выраженной половой диспропорцией. Доля умерших мужского пола составила 55 %, в городах – 56,1 %, а у иногородних она повышается до 77,6 %, в городах – до 78,3 %. В общегражданскую регистрацию не попали жертвы массовых расстрелов, среди которых доминировали мужчины.

За голодом с временным лагом в 7–9 мес. следовало снижение рождаемости. Это можно проследить на примере г. Каинска. В нем в 1929 г. родилось 416 детей, в 1931 г. – 457, в 1932 г. – 415, в 1933 г. – 257, в 1934 г. – 331 и в 1935 г. – 403 ребенка. В 1932 г., в котором отмечался голод, рождаемость в городе снизилась на 9,2 % по отношению к 1931 г., а в 1933 г. – еще на 39,1 %. С 1934 г. она стала увеличиваться. В 1936 г. число родившихся (519) превысило количество таковых в 1931 г.²¹

В 1933 г. данные о регистрации предоставили 90,1 % сельсоветов, а в 1934 г. – 86,5 %. По целому ряду сельсоветов сбор сведений продолжался не весь год, а в общей статистической сводке сельсовет отмечен как подавший таковые. В 1934 г. доля населения, охваченного статистическим учетом, снизилась, например, в Венгеровском районе на 4,4 %, в Чановском – на 9,4, в Татарском – на 37,4 %. В последнем доля жителей, охваченных регистрацией, составила 50,9 %. Полнота населения, охваченного статистическим учетом, возросла, например, в Убинском (на 15,5 %) и Барабинском (1,5 %) районах. Статистика отмечает очень низкие показатели смертности в сельской местности как следствие огромного недоучета статистических событий. Уровень рождаемости у горожан в 1932–1934 гг. был выше, чем у селян. Незарегистрированных смертей было больше, чем рождений. Естественный прирост преувеличивался. Это

накладывалось на плохой учет миграций. Произошло завышение численности, территориальное размещение населения искажалось.

В целом по РСФСР в 1930-е гг. избыточная смертность составила 3,7 млн чел.: в районах, пораженных голодом 1932–1933 гг., умерло 1,5 млн, в местах заключения – 1 млн, смертность середины и второй половины 1930-х гг. достигла 1,2 млн [11, с. 31]. Эмигрант И. Дядькин оценивает избыточную смертность для СССР за 1929–1936 гг. в 15,2 млн чел. [12, р. 25]. Он завышает число потерь. Неверно относить всю разницу между численностью расчетного и реального населения на потери в ходе голода и репрессий. Следует учитывать также влияние снижения рождаемости (не менее 6 млн чел.) и эмиграции (не выше 200 тыс. чел.) [13, с. 102].

Сверхсмертность в 14,5 млн чел. в годы коллективизации английский исследователь Р. Конквест распределяет примерно поровну между жертвами раскулачивания (5 млн) и голодомора (6 млн), 3,5 млн чел. – это умершие в лагерях после 1937 г. [14, с. 438–440]. Эти данные сильно преувеличены. Эмигрант С. Максудов (А. Бабенышев) [15, с. 226–228] приводит важные аргументы против сверхгибели украинцев от голода, объясняя сокращение их численности сменой этнического самоопределения. Он оценивает повышенную смертность в 1926–1938 гг. в 9,8 млн чел. (5,9 млн мужчин и 3,9 млн женщин), а для лиц, родившихся до 1926 г., – в 5,7 млн чел. [15, с. 145]. Польский исследователь П. Эберхардт указывает, что число умерших от голода на Украине не могло превышать 4 млн чел. [16, с. 24]. Стала популярной оценка сверхсмертности в 1927–1938 гг. для СССР в 7,9 млн чел. [16, с. 24]. Из них в Сибири от голода, по данным В.А. Исупова, погибло несколько сотен тысяч [17, с. 30], по нашим подсчетам – 500–600 тыс. чел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2001. Т. 1.
2. Тольц М.С. О достоверности статистических источников по демографической истории 30-х гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Вып. 2. С. 34–36.
3. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск, 2007.
4. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.
5. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР в 1926–1941 гг. (краткие результаты исследований) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 39–46.
6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.
7. Уткрюфт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, конец 1930–1933. М., 2001. Т. 3.
8. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. М., 1998.
9. Маслов С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М., 2007.
10. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.

²⁰ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева, текущий архив.

²¹ Там же.

11. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М., 2001.

12. Dyadkin I. Unnatural Deaths in the USSR, 1928–1954. New Brunswick; L., 1983.

13. Марианский А. Современные миграции населения. М., 1969.

14. Конквест Р. Жатва скорби. Л., 1988.

15. Максудов С. Потери населения СССР. Benson, 1989.

16. Эберхардт П. География населения России. СПб., 2003.

17. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 19.08.2012

УДК 314.148 (571.56) «1937/1939»

С.И. СИВЦЕВА

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 И 1939 гг. В ЯКУТИИ

канд. ист. наук,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск
e-mail: sivlana@list.ru

В статье на основе архивных данных 1937–1940 гг. выявляются численность и состав населения Якутии, а также спецконтингентов (заключенных и военнослужащих). Анализируются материалы переписи населения 1937 г., данные переписи населения 1939 г., раскрываются особенности работы статистиков и органов НКВД над переписями.

Ключевые слова: Всесоюзная перепись населения 1937 г., Всесоюзная перепись населения 1939 г., спецконтингент.

Демографическую историю России кануна Великой Отечественной войны невозможно воссоздать без анализа данных всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. В научной литературе перепись населения 1937 г. называют еще «репрессированной» переписью, так как большинство ее материалов было уничтожено, а статистики, руководившие сбором и анализом данных, – репрессированы. Это произошло из-за несоответствия прогнозных оценок, заявленных на самом высоком уровне, и реальных показателей переписи населения 1937 г. Выявились негативные демографические последствия жестокого голода 1932/33 гг., репрессий, переселения раскулаченных, а также собственно «сталинских пятилеток», создавших обстановку, сложную для обзаведения семьей и детьми [1, с. 32]. Итоги переписи были объявлены не соответствующими действительности, умаляющими достижения социализма. Поэтому было решено провести перепись еще раз, через два года – в 1939 г. Новая перепись должна была показать всему миру возросшее качество жизни человека социалистической страны.

Над материалами переписи населения 1939 г. статистики и работники НКВД трудились очень тщательно, дабы не повторить «ошибок» переписи 1937 г., потому ее называют «сфальсифицированной» переписью. Обнаруженные исследователями приписки и поправки – тому доказательство.

Для того чтобы достоверно осветить картину демографических процессов накануне войны, материалы переписей населения 1937 и 1939 гг. следует рассматривать во взаимосвязи. Достаточно подробную и глубокую оценку материалов переписи 1937 г. дали В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев и Ю.А. Поляков

[1]. Позднее В.Б. Жиромская опубликовала работу, посвященную всему периоду 1930-х гг. Она раскрыла механизм приписок к данным переписи 1939 г., уточнила численность населения РСФСР, ее автономий и областей [2]. В названных работах, в частности, указаны основные цифровые показатели приписок к численности населения Якутии. Однако в целом анализ материалов переписей населения 1937 и 1939 гг. на региональном уровне по Якутии еще не проводилось. В 2007 г. вышел в свет сборник материалов и документов, касающихся переписи 1937 г.¹, что облегчает ученым решение обозначенной задачи.

Отметим, что данные переписи 1937 г. сегодня считаются полными и достаточно точными: недоучет населения в них, согласно оценкам и организаторов переписи, и различных исследователей, колеблется в пределах всего 0,3–0,5 % [1, с. 38, 46].

В соответствии с данными указанной переписи, по стране в целом за 1926–1937 гг. городское население увеличилось в 1,7 раза, а сельское сократилось на 3,4 млн чел. (без учета военнослужащих и погранохраны НКВД) [1, с. 54]. Первые, предварительные, итоги подсчета численности населения Якутской АССР (по срочным донесениям) в 1937 г. дали величину в 323,7 тыс. чел. Впоследствии этот показатель возрос до 354 581 чел.² С учетом спецконтингентов «Б» и «В» (расшифровку см. ниже) численность жителей республики составляла в 360 621 чел. (табл. 1, 2).

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов. М., 2007.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 281. Л. 119.